

ФИЛОСОФИЯ КАНТА

KANT'S PHILOSOPHY

УДК 1(091)

И. И. ШПАЛЬДИНГ
И РЕВОЛЮЦИЯ УМОНАСТРОЕНИЯ
И. КАНТАJOHANN JOACHIM SPALDING
AND IMMANUEL KANT'S REVOLUTION
IN DISPOSITIONЛ. Э. Крыштон¹L. E. Kryshtop¹

В кантоведении принято возводить учение Канта о революции умонастроения к учению о новом рождении в пиеизме. Наиболее полно основные положения данного направления были изложены в программных работах его основателя Ф. Я. Шпенера. Но между этими учениями, несмотря на некоторые черты сходства, также есть и существенные различия. Для учения Канта характерны сведение пользы религии к ее воздействию на нравственную сферу и поиски возможности морального истолкования всех основных догматических положений христианства. В пиеизме нельзя усмотреть основания для подобного подхода к религии. Кроме того, исходя из учения пиеизма о новом рождении не удастся объяснить трансформацию значения понятия *Gesinnung* (умонастроение), которую мы наблюдаем в «Религии в границах одного только разума». Есть достаточно оснований предполагать другой источник влияния на Канта в данном вопросе, а именно философско-теологические взгляды Шпальдинга на обращение (*Bekehrung*) и связанное с ним радикальное изменение в умонастроении, особенно отчетливо изложенные им в «Мыслях о ценности чувств в христианстве» (1761). Как ярчайший представитель неологии, Шпальдинг подчеркивает нравственное значение религии и ищет возможности морального толкования основ христианской веры, что гораздо ближе кантовскому подходу. Кроме того, в этой его работе понятие *Gesinnung* употребляется в значении, сходном с тем, которое в дальнейшем будет фигурировать в «Религии...» Канта. Сочинение Шпальдинга было хорошо известно Канту, что позволяет предположить

Kant scholars traditionally trace the origin of Kant's doctrine of revolution in the disposition to the Pietist teaching on a new birth whose main tenets are most fully set forth in the programmatic works of its founder, Philipp Jakob Spener. However, in spite of some similarities between these teachings there are important differences between them. Chief of them is Kant's characteristic reduction of the usefulness of religion to its impact on the moral sphere and the search for the possibility of a moral interpretation of all the main Christian dogmas, an approach to religion for which there are no grounds in Pietism. Furthermore, it is impossible, proceeding from the Pietist teaching on a new birth, to explain the transformation of the concept of *Gesinnung* (disposition), which we find in *Religion Within the Bounds of Bare Reason*. There is enough evidence pointing to another influence on Kant in this issue, and that is the philosophical-theological views of Johann Joachim Spalding on conversion and the related radical change of heart, most clearly observed in *Thoughts on the Value of Feelings in Christianity* (1761). An outstanding representative of neology, Spalding stresses the moral significance of religion and seeks opportunities for a moral interpretation of the foundations of the Christian faith, an approach that is much closer to Kant's. Furthermore in this work the concept of *Gesinnung* is used in the meaning similar to that which would later appear in Kant's *Religion Within the Bounds of Bare Reason*. Spalding's book was well-known to Kant, such that it may well

¹ Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН им. Патриса Лумумбы), Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Поступила в редакцию: 05.09.2025 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-4-1

¹ RUDN University.
6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russia.
Received: 05.09.2025.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-4-1

влияние первого на трансформацию значения понятия *Gesinnung*, наблюдаемую в кантовской философии.

Ключевые слова: Кант, Шпальдинг, Шпенер, пиетизм, неология, умонастроение, новое рождение, обращение, революция умонастроения

Одним из центральных понятий философии религии Канта является понятие революции умонастроения. Это понятие приобретает особую значимость лишь в «Религии в границах одного только разума», где тесно связано с понятием коренного зла, будучи во многом производным от него. Принято усматривать определенную преемственность между кантовским учением о революции умонастроения и учением о новом рождении в пиетизме (см., например: Bohatec, 1938, S. 331–335; Kobe, 2018). Такой подход, хотя и не лишен смысла, тем не менее неспособен объяснить две важные особенности. Во-первых, для пиетистов не было характерно сводить значение религиозной веры к нравственному воздействию на верующего и настаивать на исключительно моральном истолковании догматических положений христианства, что стало важной составляющей кантовской философии религии. Во-вторых, если принять гипотезу о преемственности, остается непроясненным появление в контексте рассмотрения радикального внутреннего преобразования человека понятия *Gesinnung*, переводимого на русский язык обычно как «умонастроение», поскольку в работах пиетистов оно, хотя и встречается, не имеет той специфической смысловой окраски, которую приобретает в «Религии...» Канта. В то же время обеим этим особенностям можно найти объяснение, если предположить иной источник кантовского вдохновения, не связанный напрямую с пиетистской версией лютеранства, а восходящий, напротив, к во многом враждебной пиетизму теологии Просвещения.

have influenced the transformation of the concept of *Gesinnung* observed in Kant's philosophy.

Keywords: Kant, Spalding, Spener, Pietism, neology, disposition, new birth, conversion, revolution in the disposition

The concept of revolution in the disposition is one of the central ones in Kant's philosophy of religion. It was not until *Religion within the Bounds of Bare Reason*, however, that it acquired special significance, being closely linked with and in many ways derived from the concept of the root evil. There is thought to be continuity between Kant's teaching on the revolution in the disposition and the teaching on a new birth in Pietism (see, for example, Bohatec, 1938, pp. 331-335; Kobe, 2018). This approach, though not devoid of meaning, fails to explain two important features. First, the Pietists were not inclined to reduce the significance of religious faith to its moral impact on the believer and to insist solely on the moral interpretation of Christian tenets, which was an important component of Kant's philosophy of religion. Secondly, if we accept the hypothesis of continuity, the appearance of the concept of *Gesinnung*, usually translated into English as *disposition*, remains unclear in the context of the radical inner transfiguration of the human being because, though it does occur in the works of Pietists, it does not acquire the specific connotation it has in Kant's *Religion*. At the same time both these features can be explained if we consider the possibility that Kant was inspired not directly by the Pietist version of Lutheranism but, on the contrary, by the theology of Enlightenment which is in many ways hostile to Pietism.

Революция умонастроения в философии Канта

Понятие «революция умонастроения» появляется в поздней работе Канта — «Религия в границах одного только разума» (1793). Здесь же мы наблюдаем и специфическую трансформацию, происходящую с понятием *Gesinnung*, которое употреблялось Кантом и ранее, однако только в этом сочинении начинает играть особую роль, становясь отдельным термином. Умонастроение определяется как «первое субъективное основание принятия максим» (AA 6, S. 25; Кант, 2024, с. 104), направленное «вообще на все употребление свободы» (*Ibid.*; Там же), то есть являющееся такой максимой, которая определяет принятие всех других максим. Оно лежит в основе нашего произволения, определяя, являются ли наши поступки нравственно добрыми или нравственно злыми. Именно в этом глубинном умонастроении Кант и усматривает присущую человеку и укорененную в его природе изначальную испорченность, наклонность ко злу, которую называет «коренным злом». Эта наклонность, таким образом, является основанием принятия максим, но сама не характеризует никакую отдельную максиму. Понятие коренного зла указывает лишь на извращенность сердца (самого основания внутренней сферы мотиваций человека), выражающуюся в перевернутом порядке иерархической подчиненности максим, когда вместо уважения к моральному закону для человека более важным становится мотив себялюбия. Именно такой человек, с перевернутым порядком максим, и будет считаться нравственно злым:

Следовательно, различие того, является ли человек добрым или злым, должно находиться не в различии мотивов, которые он принимает в свою максиму (не в этой ее материи), но в подчинении (ее форме): *какую из двух он делает условием другой*. Следовательно, человек (даже наилучший) зол уже только потому, что он переворачивает нравственный порядок мотивов в принятии их в свои максимы: [он] принимает в нее моральный закон наряду с

Revolution in the Disposition within Kant's Philosophy

The concept of “revolution in the disposition” crops up in Kant’s later work, *Religion within the Bounds of Bare Reason* (1793). It is here that we observe a peculiar transformation of the concept of *Gesinnung*, which Kant had used before but which acquired a special role of a distinct term in this work. Disposition is defined as “the first subjective basis for the adoption of maxims” (*Rel*, AA 6, p. 25; Kant, 2009, p. 26), directed towards “the entire use of freedom” (*ibid.*), i.e. a maxim that determines the use of all other maxims. This lies at the basis of our assumption, determining whether our acts are morally good or morally evil. It is to this inner attitude of mind that Kant attributes the “radical evil” inherent in man. This inclination is thus the ground for the adoption of maxims but does not characterise any specific maxim. The concept of “radical evil” merely points to the perversion of the heart (the foundation of human motivations) manifested in a perverted hierarchy of maxims, when the motive of self-love is put above respect for the moral law. Such a person with a perverted order of maxims is morally evil:

Therefore, the distinction as to whether the human being is good or evil must lie not in the distinction of the incentives that he admits into his maxim (not in the maxim’s matter), but in their subordination (in the maxim’s form): which of the two he makes the condition of the other. Consequently the human being (even the best) is evil only because he reverses the moral order of the incentives in admitting them into his maxims: he does indeed admit the moral law into his maxims, alongside the law of self-love; but when he becomes aware that one cannot subsist alongside the other, but that one must be subordinated to the other as its supreme condition, he makes the incentive

себялюбием, но так как он осознает, что одно не может сосуществовать с другим, но одно должно подчиняться другому как своему *высшему условию*, он делает мотивы себялюбия и его склонности условием следования моральному закону, тогда как скорее последнее как высшее условие удовлетворения первого должно приниматься во всеобщую максиму произволения как единственный мотив (AA 6, S. 36; Кант, 2024, с. 116–117).

В то же время Кант полагает, что человек способен на преобразование, которым и является революция умонастроения. Под революцией умонастроения при этом понимается твердое намерение не отклоняться больше никогда в своих максимах от морального закона. Такой переворот может быть только интеллигибельным и произойти только единовременно. Но претворение этого интеллигибельного переворота сердца в жизнь в чувственно воспринимаемом мире не может свершиться так же, в один миг. Это постоянный процесс постепенного, но неустанного изменения, в ходе которого привычки к добродетели должны заменить привычки к пороку. Это своеобразное разворачивание вовне, в мире эмпирическом, того зародыша, который уже состоялся внутри, в мире интеллигибельном. Такое неукоснительное претворение в жизнь реформирования своего эмпирического характера вменяется человеку в обязанность.

В контексте рассмотрения возможной для человека революции умонастроения Кант не только высказывает идеи, близкие по смыслу библейскому «новому рождению» и «облачению в нового человека», но и использует традиционную библейскую терминологию (см.: Bohatec, 1938, S. 327–328), а также прямо ссылается на соответствующий библейский фрагмент о новом рождении из третьей главы Евангелия от Иоанна (Ин. 3: 5–7). Это является вполне правомерным основанием для проведения определенных параллелей и установления значительной преимущества между кантовским учением о революции умонастроения и учением о новом рождении пиетистов.

of self-love and its inclinations the condition of compliance with the moral law—whereas, on the contrary, the latter should be admitted into the universal maxim of the power of choice as the supreme condition of the gratification of the former and as the sole incentive (*Rel*, AA 6, p. 36; Kant, 2009, p. 40).

At the same time Kant believes the human being to be capable of transfiguration, or a revolution in the disposition. By “revolution in the disposition” he means a firm resolution never to deviate from the moral law in one’s maxims. Such a revolution can only be thus intelligible and has to take place at one stroke. But the implementation of this intelligible change of heart in the sensually perceived world cannot take place at once. It is an ongoing process of gradual and tireless change whereby virtuous habits must replace evil ones. It is an unfolding in the empirical world of the embryo which has already come into being inside, in the intelligible world. Such unstinting work to implement the reform of one’s empirical character is the duty of the human being.

In considering the possibility of the human being’s changing his disposition, Kant does not only express ideas close to the biblical “new birth” and conversion into a new man but uses traditional biblical terminology (see Bohatec, 1938, pp. 327–328), and directly cites the relevant biblical fragment about a new birth in the third chapter of the Gospel of John (3: 5–7). This provides a legitimate ground for drawing certain parallels and establishing significant continuity between Kant’s doctrine of the revolution in disposition and the Pietist teaching on a new birth.

Учение о новом рождении в пиетизме

Само понятие «новое рождение» (*Wiedergeburt*) не является исключительно пиетистским. Оно восходит к новозаветным текстам и прочно входит в христианскую традицию всех конфессий и деноминаций. Чаще всего оно связывается с посланиями ап. Павла и Евангелием от Иоанна (Ин. 3: 5–7). Как раз на стих Евангелия от Иоанна ссылается и Кант. Тем не менее само слово «новое рождение» (παλιγγενεσία, regeneration, *Wiedergeburt*) в форме существительного используется в Новом Завете лишь дважды — в Послании ап. Павла к Титу (Тит. 3: 5) и Евангелии от Матфея (Мф. 19: 28). Во всех остальных случаях, в том числе в Евангелии от Иоанна (Ин. 3: 5–7) применяются близкие по смыслу глагольные формы. Все эти фрагменты отсылают к крещению и связанному с ним обращению, а также предвещаемому последующему воскресению. Наиболее полное представление богословского основания учения о новом рождении мы находим в Послании ап. Павла к Римлянам (Рим. 6: 3–11): уверовавший в Иисуса Христа крестится посредством воды и Духа, тем самым приобщаясь к крестной смерти искупителя и умирая для греха; приобщившись к смерти Христа, человек получает возможность с Ним же воскреснуть уже для жизни вечной. Последнее и знаменует собой новое рождение. Таким образом, учение о новом рождении не рассматривалось отдельно от крещения и веры в спасение, дорогу к которому открывало крещение, и только оно. В таком виде оно присутствовало и в лютеранстве. Тем не менее сегодня принято считать, что у пиетистов учение о новом рождении начинает играть особую роль.

В наше время пиетизм понимается крайне широко и разнообразно. Это приводит к необходимости конкретизировать тот вид пиетизма, с которым мы сталкиваемся в XVII–XVIII вв. в немецких землях, называя его классическим пиетизмом (см. об этом: Крыштоп, 2020, с. 80–88). Основателем этого лютеранского духовного течения считается Ф. Я. Шпенер (1635–1705), а ос-

New Birth Teaching in Pietism

The concept of “new birth” (*Wiedergeburt*) is not exclusively Pietist. It goes back to New Testament texts and is embedded in the Christian tradition of all the confessions and denominations. It is most frequently connected with the epistles of St. Paul and the Gospel of John (3: 5-7). Kant refers to the latter. However, the word “new birth” (παλιγγενεσία, regeneration, *Wiedergeburt*) is used in the New Testament only twice, as a noun, in Paul’s epistle to Titus (3: 5) and in the Gospel of Matthew (19: 28). In all the other cases, including John 3: 5-7, verbal forms of similar meaning are used. All these cases are directly linked with baptism and concomitant conversion as well as with the promised subsequent resurrection. The most complete theological grounding of the teaching on new birth is presented in St. Paul’s epistle to the Romans (6: 3-11): Those who believe in Jesus are baptised through water and the Spirit thus, being united to the redeemer’s death and dying to sin; by being united with Christ’s death human being gains an opportunity to be resurrected for eternal life together with Him. The latter signifies a new birth. Thus, the teaching on a new birth was not separated from baptism and faith in salvation, the road toward which was opened by baptism and nothing else. It was in this form that it was present in Lutheranism. Even so, the prevailing view today is that the teaching on a new birth starts to play a special role in Pietism.

Today Pietism is interpreted broadly and in many different ways. This makes it necessary to define more concretely the variety of Pietism that was current in the seventeenth and eighteenth centuries in German lands, calling it classical Pietism (see Krysh-top, 2020, pp. 80-

новые линии данного направления мысли достаточно полно и четко выражаются в программной работе этого мыслителя — «*Pia Desideria*» (1675). Данное направление изначально пронизано духом стремления к новой реформации, возрождению дела Лютера, вызволившего некогда христиан из духовного рабства Римско-католической церкви (сравниваемой с новым Вавилоном). При этом предполагалось, что заложенные Лютером основания так и не были до конца претворены в жизнь из-за постигшего лютеранскую церковь кризиса, преодолеть который возможно лишь обратившись к подлинному учению Христа и отрекшись от заблуждений и суеверий. Одним из главных суеверий считалась при этом вера в возможность обретения спасения при помощи выполнения одних лишь внешних культовых действий, что связывалось с католическим принципом *ex opere operato*. Такая вера возвращает инструментальное отношение верующих к таинствам и духовным практикам, так как, будучи уверенными в том, что они действительны сами по себе, верующие нередко считают необходимым и достаточным для спасения само их внешнее исполнение, а не внутреннюю настроенность людей, их принимающих или в них участвующих. В противоположность этому Шпенер и его последователи подчеркивали важность внутренней благочестивой настроенности верующего, собственно его веры, что и стало основанием для названия данного направления (от лат. *pietas* «благочестие»). В этом пиетисты усматривали верность основополагающему лютеранскому принципу *sola fide* («только верой») и связанного с ним принципа *sola gratia* («только благодатью»).

Божественная благодать даруется человеку только по его искренней вере в искупительную жертву Христа, но методы наполнения Святым Духом по этой вере у пиетистов весьма разнообразны. К ним относятся различные богослужебные практики, важное место занимают молитва и чтение Священного Писания. Но первостепенное значение имеет таинство крещения, в котором человек только и может обре-

88). The founder of this Lutheran religious trend is considered to be Philipp Jakob Spener, and the main features of this current of thought are fully and succinctly set forth in his programmatic work, *Pia Desideria* (1675). This trend was influenced from the start by the drive towards a new reformation, the revival of the cause of Luther who had liberated the Christians from the spiritual slavery of the Roman Catholic Church (compared to the New Babylon). The assumption was that the foundations laid down by Luther were never fully implemented because of the crisis that assailed the Lutheran church, the crisis that could only be overcome by turning to Christ's true teaching and casting aside delusions and prejudice. One of the main prejudices was thought to be the faith in the possibility of attaining salvation by following external rituals in line with the Catholic principle of *ex opere operato*. Such faith fosters an instrumental attitude to sacraments and spiritual practices since believers, being convinced that they are effective in themselves, often think that it is necessary and sufficient for salvation to go through the motions, as opposed to being inwardly committed to them and involved in them. By contrast, Spener and his followers stressed the importance of inner pious feelings of the believer, the actual faith, which gave the trend its name (derived from the Latin *pietas*, or piety). Pietists considered this to be a sign of adherence to the fundamental Lutheran principle of *sola fide* (only by faith) and the related principle of *sola gratia* (only by grace).

Divine grace is vouchsafed only to those who sincerely believe in Christ's redemptive death, but with the Pietists the methods of filling with the Holy Spirit vary a great deal. These include various liturgical practices in which prayer and reading of the Holy Scripture figure prominently. But the most

сти «новое рождение» (Spener, 1706, S. 47). Именно в этом таинстве происходит заключение вечного завета с Богом. Со стороны Бога этот завет оказывается заветом благодати, со стороны верующего — заветом веры и доброй совести (Ibid., S. 53). Таким образом, подчеркивается, что человек обязуется прикладывать все свои силы для того, чтобы не грешить, что и является естественным следствием его веры в Бога, но никак не условием его спасения и не причиной обретения благодати. Человек, верующий в истинного Бога, не может не любить Его и не быть Ему благодарным за все свое существование. Грех же воспринимается как оскорбление Бога и несоединим с любовью и благодарностью к Нему. Именно так в эпоху раннего Просвещения не только пиетистами, но и во многом противоборствовавшими с ними вольфианцами во главе с самим Хр. Вольфом понимался «страх Божий», являющийся основанием добродетельных поступков. Такой «страх» назывался иначе «детским» и считался происходящим из нежелания человека как ребенка Божия оскорбить и расстроить своего небесного Отца. Такой страх, который один и может быть основанием подлинной добродетельности, противопоставлялся «рабскому страху», подразумевавшему страх наказаний (и, как его оборотную сторону, стремление к наградам) в качестве основания совершаемых поступков.

Крещение при этом воспринималось как необходимое условие возможности вступления в христианскую жизнь и связанного с этим обновления. Крещение является единовременным действием, в результате которого человеку дается божественная благодать на его дальнейшее христианское возрастание. Как и любое таинство, само крещение необратимо. Новое рождение же — это последующий процесс развития этой благодати, который, в свою очередь, может быть обратимым (благодать может и уменьшаться). Таким образом, новое рождение понимается процессуально и свершается не единовременно, не один раз на всю жизнь.

Некоторые исследователи высказывали мне-

important ritual is baptism in which alone man is “born again” (Spener, 1706, p. 47). This sacrament seals the eternal covenant with God. From the standpoint of God it is a testament of grace and, from the standpoint of the believer, a pledge of faith and good conscience (*ibid.*, p. 53). This stresses the human obligation to strive not to sin, which is a natural consequence of human faith in God, but it is emphatically not a condition of his/her salvation or the cause of obtaining Grace. The human being who believes in the true God cannot but love Him and be grateful to Him for all his/her existence. Sin is perceived as an insult to God and is incompatible with love and gratitude to Him. This was how, in the epoch of early Enlightenment, the “fear of God”, which is the foundation of virtuous acts, was understood not only by the Pietists but also by the followers of Christian Wolff who opposed them in many ways. Such “fear”, also called “child’s” fear, was attributed to the reluctance of a human being, as God’s child, to insult or upset their heavenly Father. Such fear, which alone can be the basis of true virtue, was contrasted with “slavish fear”, which implied fear of punishment (and, as its opposite face, the craving for reward) as the basis of actions.

Baptism was seen as the precondition for entering into Christian life and the resulting renewal. Baptism is a one-time act which confers divine grace on the human being’s further Christian development. Like any sacrament, baptism is irreversible. The new birth is the subsequent process of the development of grace which, in turn, may be reversible (grace may diminish). Thus, the new birth is a process and is not a once-in-a-lifetime event.

Some investigators believe that the concept of a new birth is central to Spener’s

ние, что понятие нового рождения является центральным для учения Шпенера и отличает пиетистов от приверженцев лютеранской ортодоксии, так как замещает традиционное лютеровское учение об оправдании. Наиболее ярким представителем этой позиции является М. Шмидт (Schmidt, 1951b; 1969b, S. 129–168; 1951a, S. 17–30; 1969a, S. 169–194; 1970, S. 9), для которого она стала лейтмотивом всех его исследований пиетизма. Однако при ближайшем рассмотрении эта точка зрения оказывается несостоятельной. Так, Шпенер не только не опускает учение об оправдании в его лютеранской версии, но, напротив, подчеркивает его первостепенную значимость для истинной христианской веры (Spener, 1686, S. 62–63). Кроме того, и само понятие *Wiedergeburt*, и близкие ему понятия (например, *neuer Geburt*) используются Шпенером крайне редко. В его программной работе «*Pia Desideria*» этот термин употребляется только трижды. Нет этого термина и в цикле проповедей 1676/77 г. под общим заглавием «Необходимость и возможность деятельного христианства» («*Des tätigen Christentums Notwendigkeit und Möglichkeit*»), которые во многом могут рассматриваться как расширенный комментарий к «*Pia Desideria*» (см.: Wallmann, 2010, S. 50–51).

Немного чаще соответствующие понятия встречаются в поздних проповедях Шпенера, что рождает попытки провести водораздел между ранним и поздним этапами его творчества. Однако и этот подход также представляется весьма проблематичным. Особого внимания в этом отношении заслуживает цикл проповедей 1691–1694 гг. под общим названием «Особой важности положение о новом рождении» (Spener, 1694). Именно здесь мы находим самое подробное описание нового рождения, как его видят пиетисты, а именно как состоящего из трех компонентов: пробуждение веры (посредством благодати), прощение грехов, сотворение новой природы человека (см., например: *Ibid.*, S. 150–151). Такое представление о новом рождении повторяется и в других работах Шпенера. Тем не менее и в этом цикле, несмотря на его название, самому новому рождению уде-

teaching which distinguishes Pietists from the adherents of Lutheran orthodoxy because it supplants the traditional Lutheran teaching of justification. The most notable proponent of this view is Martin Schmidt (1951b, pp. 70-112; 1969b, pp. 129-168; 1951a, pp. 17-30; 1969a, pp. 169-194; 1970, p. 9), for whom it was the *leitmotif* of all his studies of Pietism. However, on closer inspection this point of view is untenable. Thus, Spener (1686, pp. 62–63), far from omitting the teaching on justification in its Lutheran version, on the contrary stresses its primary significance for true Christian faith. Indeed, Spener very rarely uses the concept of *Wiedergeburt* and related concepts (for example, *neuer Geburt*). The term is used only three times in his programmatic work *Pia Desideria*. Nor does the term appear in his 1676/77 cycle of sermons under the common heading *The Necessity and Possibility of Active Christianity* (*Des tätigen Christentums Notwendigkeit und Möglichkeit*) which in many ways can be seen as an extended commentary to *Pia Desideria* (see Wallmann, 2010, pp. 50-51).

Corresponding terms occur a little more often in Spener's later sermons, prompting attempts to draw a distinction between the early and late stages of his work. But this approach is also highly problematic. The cycle of sermons under the common heading *A Particularly Important Proposition on New Birth* (1691–1694) (Spener, 1694) contains the most detailed description of new birth as seen by the Pietists, i.e. consisting of three components: awakening of faith (through grace), forgiveness of sins, and the creation of man's new nature. This concept of new birth is repeated in Spener's other works (see, for example, *ibid.*, pp. 150-151). Yet even this cycle, in spite of its heading, pays very little

ляется весьма незначительное внимание. Из 66 проповедей только 5 посвящены непосредственно новому рождению. Во всех остальных речь идет скорее о его плодах, то есть о том, каким должен быть преображенный человек. Таким образом, основной акцент переносится Шпенером с самого нового рождения на его результат — нового человека, в которого должен претвориться индивид, что ничем принципиально не отличается от более ранних работ Шпенера (Wallmann, 2010, S. 53–54). Вместе с этим отпадает и основание утверждать, что в пиетизме понятие нового рождения приобретает какое-то особое значение, становясь центральным и структурообразующим.

Как бы то ни было, некоторое сходство между позицией Канта и учением пиетистов можно усмотреть. Безусловно важным является то, что, как и пиетисты, Кант настаивает на первостепенной значимости внутренних мотивов. Однако акцент у него явным образом переносится в сферу нравственного, чего мы не видим у пиетистов. Фактически в философии религии Канта мы видим моральное толкование этой, самой по себе для лютеранской традиции не новой, идеи недостаточности внешнего и первостепенной важности внутреннего. Для того чтобы наши поступки были моральными, недостаточно, чтобы они были сообразны долгу, необходимо, чтобы они вытекали из правильной внутренней мотивации. И для Канта правильная мотивация заключается уже не в вере в спасительную жертву Христа, а в уважении к моральному закону.

Учение И. И. Шпальдинга об обращении и изменении умонастроения

Источником влияния на Канта в отношении его учения о революции умонастроения вполне могла быть неология, а конкретнее — патриарх этого философско-теологического направления И. И. Шпальдинг. Неология получила свое название от двух древнегреческих слов — νεός (новый) и λόγος (слово, учение) — и дословно переводится как «новое учение». Это

attention to new birth itself. Of the 66 sermons only five are devoted to new birth. All the other sermons look rather at its fruits, i.e. at what the converted human being should be like. Thus, Spener shifts the accent from new birth to its result, the new human being which the individual should become, which is not fundamentally different from Spener's earlier works (Wallmann, 2010, pp. 53-54). This strikes the bottom from under the claim that in Pietism the concept of new birth acquires some new meaning and becomes central and structure-forming.

Even so, some similarity between Kant and the Pietists can be discerned. It is undeniably important that both the Pietists and Kant insist on the primary significance of inner motives. However, Kant, unlike the Pietists, clearly shifts the emphasis to the moral sphere. In fact, Kant's philosophy of religion offers a moral interpretation of the old Lutheran idea that the external is insufficient and the internal is primary. For our acts to be moral it is not enough that they should conform to duty; they should have the right inner motivation. For Kant, the right inner motivation lies not in the faith in Christ's redemptive death, but in respect for the moral law.

Spalding's Doctrine of Conversion and Change of Disposition

The source of the influence on Kant's teaching on the revolution in disposition may well have been neology, specifically the patriarch of this philosophical and theological trend, Johann Joachim Spalding. Neology took its name from two Greek words: νεός (new) and λόγος (word, teaching), the literal translation being "new teaching". This appellation fully reflects the main idea of this trend which tried to take a new look at

название полностью отражает основную направленность представителей этого течения, которые пытались предложить новый взгляд на христианское вероучение, соответствующий, по их мнению, потребностям времени. К этому течению ощущали себя причастными помимо Шпальдинга также И. С. Землер, А. Ф. В. Зак, И. Ф. В. Иерузалем, В. А. Теллер и многие другие видные представители теологии Просвещения, в силу чего понятия «неология» и «теология Просвещения» нередко отождествляются.

Философско-теологическое течение неологии было крайне неоднородным (см.: Beutel, 2009, S. 115–146). Тем не менее можно выделить одну черту, бесспорно объединяющую всех его представителей. В религиозной вере они подчеркивали то воздействие, которое она оказывает на нравственное совершенствование человека; именно это воздействие считалось первостепенно значимым, все остальное отходило на второй план или же вовсе считалось избыточным. Из догматических положений принимались только те, которые могли быть истолкованы как способствующие нравственному возрастанию верующего, все остальное признавалось ложным или, по крайней мере, нуждающимся в дополнительном прояснении и исключалось из программ проповедей и религиозного воспитания.

Фактически у неологов мы видим акцент на тесной взаимосвязи нравственности и религии и попытки представить моральное толкование всех основных догматических положений христианского вероучения. Такой подход к христианству гораздо ближе кантовскому, нежели тот, который предлагали пиетисты. Кроме того, следует обратить внимание и еще на одно явное преимущество поиска оснований учения Канта о революции умонастроения в философско-теологических взглядах представителей неологии, в особенности у Шпальдинга. Учение пиетизма о новом рождении помогает объяснить саму идею радикального переворота во внутренней мотивации, которая, как мы показали выше, не является собственно пиетистской и по

the Christian faith purportedly to be in tune with the times. In addition to Spalding, many prominent representatives of Enlightenment theology, including Johann Salomo Semler, August Friedrich Wilhelm Sack, Johann Friedrich Wilhelm Jerusalem and Wilhelm Abraham Teller, identified themselves with this current, owing to which the concepts of “neology” and “theology of Enlightenment” are often used interchangeably.

The philosophical and theological trend of neology was highly heterogeneous (see Beutel, 2009, pp. 115-146). However, we can single out one feature that is shared by all its representatives. In religious faith, they stressed the impact it had on the human being’s moral improvement; its impact was thought to be primary, all the rest was secondary and even superfluous. Of the dogmatic tenets, only those were accepted which could be interpreted as contributing to the believer’s moral growth, while all the rest was dismissed as false or needing clarification and was struck out of the programmes of sermons and religious education.

In fact, neologists stressed the close interconnection between morality and religion and tried to interpret all the main Christian dogmas in moral terms. This approach to Christianity was much closer to Kant’s than the approach advocated by the Pietists. We should draw attention to one more obvious advantage of the search for the foundations of Kant’s doctrine of the revolution in disposition in the philosophical-theological views of the representatives of neology, especially Spalding. The Pietists’ teaching on a new birth helps to explain the very idea of a radical turn in inner motivation which, as shown above, is not strictly speaking solely Pietistic and can just as well be present in other strands of the Lutheran (and not only Lutheran) tradition. However, it does not explain the appearance,

этой причине в равной степени может присутствовать и в других направлениях лютеранской (и не только лютеранской) традиции. Оно не позволяет объяснить появление в этом контексте понятия «умонастроение», а точнее, той его смысловой трансформации, которая появляется у Канта, но такое объяснение можно получить при обращении к взглядам Шпальдинга.

Понятие «умонастроение» сегодня считается специфически кантовским. И действительно, этот перевод используемого в оригинальном немецком тексте понятия *Gesinnung* до сих пор применялся только в контексте кантовской философии. При этом считалось, что данное понятие хотя и употреблялось ранее в немецких философских и теологических текстах, а также самим Кантом в его докритических и критических сочинениях до «Религии...», однако не имело специфической терминологической окраски и было просто синонимом сходных по значению понятий (*Absicht, Denkungsart* и др.). Такое объяснение уже давно стало своего рода общим местом в исследованиях кантовской философии религии. Вместе с тем часто упускается из виду, что данная трансформация значения понятия *Gesinnung* стала происходить еще задолго до кантовской «Религии...» в сочинениях Шпальдинга.

Шпальдинг в свое время в среде немецких просветителей был одной из наиболее известных и уважаемых фигур. Сегодня его имя известно лишь небольшому числу специалистов в области философии и теологии немецкого Просвещения. В последние десятилетия его взгляды стали привлекать большее внимание, однако оно по-прежнему остается весьма избирательным.

Исследования творчества Шпальдинга проводятся по двум во многом независимым друг от друга направлениям. В области истории протестантской теологии он привлекает большое внимание как один из ярчайших представителей теологии Просвещения. Но эти исследования в основном акцентируют внимание на те аспекты творчества Шпальдинга, которые выделяют его именно как неолога (Beutel, 2003;

in this context, of the concept of “disposition”, or rather, its semantic transformation by Kant, an explanation that can be obtained by turning to the views of Spalding.

Today the concept of “disposition” is associated with Kant. And indeed, this translation of the German concept of *Gesinnung* has up until now been used only with regard to Kantian philosophy. Although the concept had been used earlier in German philosophical and theological texts, as well as by Kant in pre-critical and critical works before *Religion within the bounds of bare reason* it was not considered to be a term and was just a synonym of words with similar meanings (*Absicht, Denkungsart* etc.). This was a standard explanation in the studies of Kant’s philosophy of religion. And it is often forgotten that the transformation of the meaning of *Gesinnung* began to take place long before Kant’s *Religion* in the works of Spalding.

In his time Spalding was one of the best known and highly regarded figures in German Enlightenment. But today his name is known only to a small number of specialists in the philosophy and theology of German Enlightenment. The past few decades have seen a revival of interest in his views, but the interest is still very selective.

Research of Spalding’s work follows two largely separate paths. In the field of the history of Protestant theology he attracts considerable attention as one of the most brilliant representatives of Enlightenment theology. However, this research is focused mainly on those aspects of Spalding’s work which highlight his contribution to neology (Beutel, 2003; 2006a; 2006b; 2014 and others). Historians of philosophy concentrate on the study of his *Reflections on the Destination of Man* which triggered one of the most important debates among German Enlighteners on the mission of the human being and its cognisability, and was an important factor

2006а; 2006б; 2014 и др.). Историки философии по большей части концентрируются вокруг изучения его сочинения «Размышление о предназначении человека», легшего в основание одной из ведущих дискуссий в среде немецких просветителей о предназначении человека и его познаваемости, а также существенно повлиявшего на переход от пессимистической антропологии лютеранской ортодоксии к более оптимистическому взгляду на природу человека (Schollmeier, 1967; Tippmann, 2011; Raatz, 2014; Macor, 2012; 2013а и др.).

Сочинение «Размышление о предназначении человека», бесспорно, занимает центральное место в наследии Шпальдинга, но не исчерпывает все богатство разнообразной палитры его взглядов. Из-за акцентирования внимания только лишь на этой стороне его философско-теологического творчества все остальные не только затемняются, но и предстают в несколько искаженном свете. «Размышление о предназначении человека» впервые было опубликовано в 1748 г. и в дальнейшем претерпело множество переизданий, существенно расширившись в объеме (с 26 до 244 страниц). При этом в последнем переиздании данного сочинения, вышедшем в 1794 г., принято усматривать сильное влияние кантовской практической философии. Параллельно такое влияние обнаруживается и в самой поздней работе Шпальдинга — «Религия, дело человека» (1797) (см.: Hinske, 1994, S. 139). В этой связи помимо общей направленности его размышлений исследователи обычно отмечают появление у Шпальдинга понятия «максима», большее внимание к понятию нравственного закона и др. В этот же ряд попадает и понятие *Gesinnung*, которое якобы только в поздних работах Шпальдинга приобретает явно кантовское звучание. И если в отношении других аспектов усмотрение влияния Канта на Шпальдинга вполне оправданно, то в отношении понятия *Gesinnung* у нас нет никаких оснований полагать, что Шпальдинг пришел к своей концепции переворота умонастроения (крайне близкого Канту) вслед за Кантом или под его непосредственным влия-

in the transition from the pessimistic anthropology of the Lutheran orthodoxy to a more optimistic view of the human being's nature (Schollmeier, 1967; Tippmann, 2011; Raatz, 2014; Macor, 2012; 2013а and others).

Reflections on the Destination of Man certainly is central to Spalding's legacy, but it does not reflect the rich palette of his views. The accent only on this aspect of his philosophical-theological work overshadows and somewhat skews the other aspects. *Reflections on the Destination of Man* was published in 1748, went through multiple editions and was considerably enlarged (from 26 to 244 pages). The last edition produced in 1794 is thought to have been heavily influenced by Kant's practical philosophy. By the same token, such influence has been found in Spalding's last work, *Religion, Man's Vocation*, published in 1797 (see Hinske, 1994, p. 139). In this connection, apart from the general direction of his reflections, researchers also note the appearance of the new concept of maxima, greater attention to the concept of the moral law, etc. The same applies to the concept of *Gesinnung* which allegedly acquires a distinctly Kantian ring only in his later works. Whereas with regard to other aspects, asserting Kant's influence on Spalding is justified, with regard to the concept of *Gesinnung* there are no grounds for claiming that Spalding arrived at his concept of revolution of disposition (which is very close to Kant's) after Kant or under his immediate influence. Indeed, considering that the concept appears in Spalding's works much earlier than Kant's *Religion* the reverse may well be the case.

The clearest and most detailed exposition of Spalding's views on the revolution in the human being's disposition is found in his work *Thoughts on the Value of Feelings in Religion* (1761), whereas in *Reflections on the Destination of Man* the subject is passed over in silence. This may be one of the

янием. А учитывая тот факт, что эта концепция появляется в сочинениях Шпальдинга намного раньше выхода в свет кантовской «Религии...», можно предположить, что влияние здесь было скорее обратное.

Свой взгляд на совершающийся в человеке переворот умонастроения Шпальдинг наиболее отчетливо и подробно представляет в сочинении «Мысли о ценности чувств в христианстве» (1761) и обходит молчанием в «Размышлении о предназначении человека». Само по себе это может быть одним из факторов того, почему эта крайне интересная и важная сторона философско-теологических взглядов Шпальдинга до сих пор остается незамеченной, поскольку, как уже отмечалось выше, из всего комплекса сочинений Шпальдинга чаще всего говорят лишь о «Размышлении о предназначении человека», тогда как сам факт существования других работ малоизвестен и уж тем более мало кто обращается сегодня к изучению их содержания. Но совершенно иной была ситуация в 1760–1780-х гг. Как и другие сочинения Шпальдинга, «Мысли...» были очень популярны, хорошо известны (в том числе и Канту (Macor, 2013b, S. 116)) и несколько раз переиздавались (в 1764, 1769, 1773 и 1784 гг.).

Как и многие другие работы Шпальдинга, с каждым новым изданием это сочинение становилось все толще и толще. В результате четвертое издание, завершенное фактически в 1772 г., но датированное 1773 г., было уже без малого в два раза объемнее первого, составляя 352 страницы против первоначальных 182. В то же время мы не сможем найти в нем каких-то существенных изменений взглядов Шпальдинга. Очередное издание расширялось за счет некоторых дополнений, более развернутых разъяснений, но не вносило ничего принципиально нового в основное содержание работы. Не изменилась и структура сочинения.

Ключевой темой этого сочинения являются чувства, а конкретнее — то значение, которое они имеют для религии. Параллельно поднимается вопрос и об их значении для морали,

reasons why this exceedingly interesting and important aspect of Spalding's philosophical-theological views still goes unnoticed because, as mentioned above, of the whole body of Spalding's works only *Reflections on the Destination of Man* is discussed more frequently while other works are little known, let alone studied. The situation was radically different in the 1760s–1780s. *Thoughts*, like other works of Spalding, were widely popular and well known, including the works of Kant (see Macor, 2013b, p. 116), and went through several editions (1764, 1769, 1773 and 1784).

Like many other works of Spalding, *Thoughts on the Value of Feelings in Religion* grew thicker and thicker with each new edition. As a result, the fourth edition, practically completed in 1772, but dated 1773, was almost twice the size of the first one (352 pages versus 182). However, one does not find any substantive changes of Spalding's views. Subsequent editions were enlarged by additions and more detailed clarifications without any fundamental changes in the core content of the work. Nor did the structure of the work change.

The key topic of this work is feelings, more specifically, their significance for religion. Along with this the question of their significance for morality is raised, which Spalding invariably closely links with religious faith. The book was a reaction of Spalding, who championed moderate Enlightenment in all his works, to the rapid spread of Pietist sentiments of a mystical variety, as manifested in the emphasis on constancy and conversion. Nevertheless, it should be borne in mind that Spalding was among the initiators of the discussion on the role of feelings which would become one of the main topics of German Enlightenment in the last third of the eighteenth century. The book is the first in a series of philosophical-

которая у Шпальдинга неизменно рассматривается в тесной связи с религиозной верой. Написание данной работы стало непосредственной реакцией Шпальдинга, отстаивающего во всех своих сочинениях (как более ранних, так и более поздних) позиции умеренного Просвещения, на широкое и быстрое распространение пиетистских настроений мистической направленности, что выражалось в видах набожности, в которых акцент делался на неустанное покаяние и обращение. Тем не менее стоит также учитывать, что в данном случае Шпальдинг стоит у истоков дискуссии о роли чувств, которая станет одной из основных тем немецкого Просвещения в последней трети XVIII в. Это сочинение открывает череду собственно философско-теологических работ Шпальдинга, создавая солидный задел для более поздних его работ (Beutel, 2005a, S. XXVIII) и являясь решающей вехой между «Размышлением о предназначении человека» и поздней работой «Религия, дело человека» (Beutel, 2005b, S. V).

«Мысли...» вызвали большой резонанс. Во многом этому поспособствовал интерес, проявленный к нему издателем «Всеобщей немецкой библиотеки» Ф. Николаи. Рецензия на второе издание этого сочинения была написана известным в среде просветителей теологом, сторонником неологии Ф.Г. Резевицем. Она открывала первый номер издания «Всеобщей немецкой библиотеки», вышедший в 1765 г. Рецензент кратко излагал основные идеи сочинения, указывая при этом также, какие части работы претерпели существенные изменения в сравнении с первым изданием. Общая оценка сочинения была подчеркнута положительной, если не сказать больше — хвалебной. Резевиц отметил скромность автора в изложении, а также ясность и благородство его стиля, соответствующие достоинству самого предмета. Он прямо высказывал пожелание, чтобы «все теологические сочинения... строились по этому образцу» (Resewitz, 1765, S. 4). В 1770 г. Резевиц подготовил для «Всеобщей немецкой библиотеки» рецензию на третье издание этой работы, которая также была положительной (Resewitz,

theological works, creating a solid basis for his later works (Beutel, 2005a, p. XXVIII) and revealing the decisive landmark between *Reflections on the Destination of Man* and the later work *Religion, Man's Vocation* (Beutel, 2005b, p. V).

Thoughts on the Value of Feelings in Religion had great resonance, not least due to the interest shown in it by the publisher of the "Allgemeine deutsche Bibliothek", Frederick Nicolai. The second edition of the work was reviewed for the first issue of "Allgemeine deutsche Bibliothek", which appeared in 1765 at the hands of Friedrich Gabriel Resewitz, a well-known Enlightenment theologian and advocate of neology. The review opened the first issue. It presented the main ideas of the work and pointed out the parts which had undergone substantive changes compared to the first edition. The general tone of the review was positive, indeed laudatory. Resewitz praised the author's humility and at the same time the clarity and elegance of style that befitted the subject matter. He expressed the wish that "all theological works [...] follow this pattern" (Resewitz, 1765, p. 4). In 1770 Resewitz wrote a review of the third edition of the book for the "Allgemeine deutsche Bibliothek". This was also positive in tone (Resewitz, 1770). But it concentrated on the additions and clarifications introduced in the third edition.

In addition to Resewitz's reviews there were other reactions to the book, although they were generally less detailed and less eminent. The book was noted in passing in works devoted to totally unrelated topics (Beutel, 2005a, p. XXXVI). Some works were critical of Spalding. The most significant of these is Trescho's "Condemnation of the Work: on the Value of Feelings in Christianity" which accused Spalding of Pelagianism and Socinianism (Trescho, 1764). It prompted Spalding to introduce

1770). Однако в ней рецензент концентрировался уже исключительно на дополнениях и пояснениях, внесенных в третье издание.

Помимо рецензий Резевица появлялись и другие отклики на данное сочинение, хотя в целом не столь подробные и менее известные. Мимоходом работа упоминалась порой в сочинениях по совершенно иной тематике (Beutel, 2005a, S. XXXVI). Кроме того, можно назвать и целый ряд полемических работ, направленных в адрес Шпальдинга. Самой значимой из них можно считать сочинение С. Ф. Трешо «Осуждение сочинения: о ценности чувств в христианстве», в котором Шпальдинг обвинялся в пелагианстве и социнианстве (Trescho, 1764). Это и побудило Шпальдинга внести во второе издание ряд важных пояснений, в которых он явным образом выступает как противник этих еретических течений в любых, даже скрытых, формах их проявлений. Публиковались также и другие полемические сочинения (Aichinger, 1771; Anonymus, 1772). Некоторые из них даже переиздавались, как, в частности, сочинение дипломата и переводчика Р. Ф. Линара «Дружеские обсуждения о действиях благодати» (Lynar, 1769), инициировавшее оживленные дебаты, что и привело к необходимости его расширения и переиздания в 1774 г. Еще одним важным критиком Шпальдинга стал И. Шлеэф, написавший подряд сразу несколько полемических сочинений (Schleef, 1770; 1771; 1772). На некоторые из них, в свою очередь, выходили рецензии, в том числе и в уже упоминавшейся «Всеобщей немецкой библиотеке» (см.: Beutel, 2005a, S. XXXVII–XXXVIII). Известность данной работы Шпальдинга достаточно быстро вышла за пределы немецких земель. В начале 1770-х гг. книга была переведена на голландский и датский языки. Повышенное внимание к этой работе Шпальдинга сделало ее одной из самых читаемых и обсуждаемых в 1760–1770-х гг. Она стала также значимой вехой в развитии дебатов о важности религиозных чувств.

Можно выделить несколько ключевых идей данной работы. Они составляют, по сути, базовые установки Шпальдинга, которые, пусть

some important clarifications in the second edition in which he openly repudiates these heretical views in any form whatever. Other polemical works were published (Aichinger, 1771; Anonymus, 1772). Some of them were even reprinted, e.g. “Friendly Discussions of the Effects of Grace” by the diplomat and translator Rochus Friedrich Lynar (1769), which sparked off lively debates and led to its being enlarged and reprinted in 1774. Another important critic of Spalding’s was Schleef (1770; 1771; 1772) who composed a series of polemical pieces. Some of them were in turn reviewed, e.g. by the “*Allgemeine deutsche Bibliothek*” (see Beutel, 2005a, pp. XXXVII–XXXVIII). Spalding’s work quickly became known outside German lands. In the early 1770s the book was translated into Dutch and Danish. Keen interest in Spalding’s book made it one of the most read and discussed books in the 1760s and 1770s. It was also a milestone in the development of the debates on the importance of religious feelings.

Several key ideas of the work stand out. These are the fundamental ideas of Spalding which were already present, albeit in a less overt form, in the early editions of *Reflections on the Destination of Man* and which manifested themselves ever more with each new edition, beginning from the 1760s. One such idea is the emphasis, in all of Spalding’s writings, on the human being’s absolute dependence on the Creator. It informs all of Spalding’s works and goes back to one of the key Lutheran principles, *sola gratia*, whose presence is very obvious in *Thoughts on the Value of Feelings in Religion*. No less significant is the work’s concept of “the whole man” for whom the heart (feelings) and reason are equally important. We find here the grounding of two other themes that are central for Spalding. On the one hand, it is the critique of cold and one-sided enlightenment, falsely understood as the development of reason alone and denying

и в менее явном виде, уже давали о себе знать в ранних изданиях «Размышления о предназначении человека» и которые с каждым новым переизданием данного сочинения, начиная с 1760-х гг., проявлялись все отчетливее. В частности, к ним можно отнести подчеркивание абсолютной зависимости человека от Творца. Эта мысль, находящая отражение во всех сочинениях Шпальдинга, восходит к одному из ключевых принципов лютеранства — *sola gratia*, что как раз отчетливо прослеживается в «Мыслях...». Не меньшее значение имеет и развиваемая в этом сочинении концепция «целостного человека», для которого равно важны как сердце (чувства), так и разум. Здесь мы находим основание двух других центральных тем творчества Шпальдинга. С одной стороны, это критика холодного и одностороннего просвещения, ложно понимаемого как совершенствование только разума и необходимость борьбы со всем чувственным. По мысли Шпальдинга, именно эта установка приводит как к радикальной критике религии вообще и попыток ее устранения, так и к перекосу в сторону научной теологии, учености в самой религии (Spalding, 1773, S. 2–4, 17, 20, 99, 177–178, 304–305, 333–339). С другой стороны, не меньшей критики заслуживает и другая крайность — перекося в сторону чувственного, некритическое (без какой-либо разумной проверки) доверие своим религиозным переживаниям, называемое в то время мечтательностью (Ibid., S. 4, 13, 179, 301–330). Обе эти крайности идентифицируются Шпальдингом как основные враги истинной религиозности, а вместе с тем и человека, гармоничное развитие и счастливая жизнь которого немислима без веры (Ibid., S. 98–99, 158, 279, 294). В этой же работе Шпальдинг предлагает своеобразное лекарство от обоих этих недугов. В преодолении первого может помочь практически ориентированное христианство, которое концентрируется лишь на сущностно важных для спасения души истинах, связывая их непосредственно с главной целью человека и его предназначением — развитием добродетели (Ibid., S. 99, 177–178, 323–324). Побороть второе можно при помощи совершенствования разума и обязательной сверки любых

everything sensuous. Spalding (1773, pp. 2-4, 17, 20, 99, 177-178, 304-305, 333-339) argues that this attitude leads to radical criticism of religion in general and attempts to dispel it, as well as a tilt toward scientific theology, learnedness in religion itself. Equally open to criticism is the other extreme, a tilt toward the sensuous, uncritical trust (i.e. not subject to any reasonable verification) in one's religious experiences called dreaminess at the time (*ibid.*, pp. 4, 13, 179, 301-330). Spalding considers both extremes to be the main enemies of true religiosity and of the human being whose harmonious development and happiness are unthinkable without faith (*ibid.*, pp. 98-99, 158, 279, 294). In the same work Spalding proposes a remedy for both these maladies. The former can be aided by practically oriented Christianity which concentrates only on the truths that are essential for salvation of the soul, linking them directly to the human being's supreme goal and vocation, the development of virtue (*ibid.*, p. 99, 177-178, 323-324). The latter can be overcome by improving reason and checking all inner impulses against the Holy Scripture whose truth Spalding never called into question (*ibid.*, S. 15-16, 69-70, 78-79, 126, 326). However, the need to verify religious experiences does not mean, according to Spalding, that they are harmful and that their impact on the religious sphere should be minimised. On the contrary, Spalding tends to consider them to be extremely important and useful. If we approach them in the right way and know how to work with them they can be reliable fellow traveler on the path of moral improvement (*ibid.*, pp. 2-4, 127).

In this context Spalding raises the question what a sincere purpose (*Vorsatz*) to be kind should be and to what extent it is connected with feelings. Such a resolution is a disposition (*Gesinnung*), which, according to Spalding, is often confused with a sense of pleasure

внутренних побуждений со Священным Писанием, истинность которого никогда не подвергалась у Шпальдинга сомнению (Ibid., S. 15–16, 69–70, 78–79, 126, 326). Тем не менее необходимость проверки религиозных переживаний вовсе не означает, по Шпальдингу, что они сами по себе вредны и их влияние на сферу религиозного должно максимально ограничиваться. Напротив, Шпальдинг склонен считать их крайне важными и полезными. Если к ним правильно относиться и уметь с ними работать, они могут стать надежным попутчиком на пути нравственного совершенствования (Ibid., S. 2–4, 127).

В этом контексте Шпальдинг рассматривает вопрос о том, что должно представлять собой искреннее постановление (*Vorsatz*) быть добрым и насколько оно связано со сферой чувств. Такое постановление является как раз неким умонастроением (*Gesinnung*), которое, по мысли Шпальдинга, очень часто путают с приятным ощущением или молитвенным переживанием, но которое в действительности не связано напрямую со сферой чувств (Ibid., S. 229). Подобное ложное понимание возникает из того, что именно это состояние и можно считать состоянием благодати, или духовного блаженства (*Seligkeit*). Нередко это приводит к приятным переживаниям во время молитвы, но это следует рассматривать лишь как побочное воздействие, а не как прямое обязательное следствие.

Состояние благодати, непосредственно связанное у Шпальдинга с постановлением быть добрым, может быть результатом лишь подлинного внутреннего обращения. Фактически эти два понятия отождествляются, так как обращение в понимании Шпальдинга и является ниспосланной Богом благодатью. Однако некоторое незначительное смысловое различие между этими понятиями все же остается. Бог как любящий Отец посылает благодать всем своим детям и призывает всех к обращению, но только от человека зависит принять этот призыв или его отбросить. Таким образом, хотя Шпальдинг подчеркивает изначальную инициативу Бога в этом процессе и невозможность для человека достичь такого преобразования одними лишь сво-

or a prayer experience, but which in reality is not directly connected with the sensuous sphere (*ibid.*, p. 229). This misconception stems from the fact that it is this state that can be considered as a state of grace, or spiritual bliss (*Seligkeit*). This often leads to pleasurable experiences during prayer, but it should be seen merely as a side effect and not as a direct obligatory consequence.

The state of grace which Spalding links directly with the resolution to be kind can only be the result of genuine inner conversion. In effect these two concepts are equated since in Spalding's view conversion is the grace vouchsafed by God. However, there still remains a slight semantic difference between these two concepts. God as the loving Father bestows grace on all his children and calls them to conversion, but it is up to the human being to answer or reject this call. Thus, although Spalding stresses God's initiative in this process, so that man cannot attain conversion on his own, nevertheless He does not deprive the human being of free will and asserts the need for voluntary interaction with grace bestowed by God. Here we can easily discern an affinity of Spalding's ideas with the concept of synergy embraced by Orthodoxy and going back to eastern patristics. But there are no grounds for claiming that Spalding was familiar with this concept and that it exerted any influence on him. Likewise, there is no direct evidence of the influence of Catholic thought, which in some ways comes close to the idea of collaboration between the human being and divine grace and which on the whole was far better known among Protestant theologians of the time (even though more often than not presented in a polemical mode). Even so, the seeming similarity of the main thrust of Spalding's thought to the Catholic teaching was a cause of concern among the more orthodox Lutherans. That is why Spalding and his fellow neologists were regularly

ими силами, тем не менее Он не лишает человека свободы воли и утверждает необходимость определенного добровольного взаимодействия с посылаемой Богом благодатью. В данном случае несложно усмотреть некоторую близость идей Шпальдинга к концепции синергии, принимаемой православными и восходящей к восточной патристике. Однако нет никаких оснований утверждать, что данная концепция была знакома Шпальдингу и оказала на него какое-либо влияние. Даже влияние католической мысли, которая также в некоторых аспектах близко подходит к идее сотрудничества человека и благодати Божией и которая в целом гораздо лучше была известна тогда среди протестантских теологов (хотя чаще всего и в полемических изложениях), напрямую не прослеживается. Тем не менее такое видимое сходство основной направляющей линии размышления Шпальдинга с католическим вероучением вызывало беспокойство у представителей более ортодоксально настроенного лютеранства. Поэтому Шпальдинга и других его соратников по неологии с завидной регулярностью обвиняли в своего рода «крипто-католицизме», хотя гораздо чаще эта идейная направленность ассоциировалась с пелагианством и еще чаще — с социнианством (Oemler, 1775, S. XXXII–XXXV; Ulrich, 1778, S. 143–144).

Шпальдинг сохраняет убежденность в том, что о состоянии благодати нельзя судить по внутренним ощущениям. Также ощущения не могут помочь оценить и факт обращения. Оно является единовременным и необязательно должно быть осознаваемо самим человеком. Оно может свершиться и неосознанно, так что сам момент обращения окажется для человека скрытым и он заметит лишь его следствия в своей жизни. Единственным надежным критерием оценки того, находится ли человек в состоянии благодати и свершилось ли внутреннее обращение, может служить его постоянное стремление совершать праведные дела (Spalding, 1773, S. 256–257).

В то же время праведность вовсе не означает одни лишь внешне добрые поступки. Напротив, речь идет о таких делах, которые проис-

accused of “crypto-catholicism”, although this trend was far more often associated with Pelagianism and still more often with Socinianism (Oemler, 1775, pp. XXXII-XXXV; Ulrich, 1778, pp. 143-144).

Spalding maintains that the state of grace cannot be judged on the basis of inner sensations. Nor can sensations be helpful in assessing the fact of conversion. It is a singular event of which a person may or may not be conscious. A person may be unaware of the moment when it happens and may notice only the consequences of conversion in one's life. The only reliable sign that a human being is in a state of grace and that inner conversion has taken place is an abiding desire to perform virtuous deeds (Spalding, 1773, pp. 256-257).

At the same time righteousness is not confined to acts that appear to be good. On the contrary, acts must flow from the inner righteousness of the heart, sincerity, patience and harmony of moods. God expects from the human being only an inner righteousness which comes from the heart, only growth in it can be considered to conform with God's will, which alone has true moral value:

It would not depend on deeds, on acts which externally or by themselves are right. Although they must come from the goodness of the heart they are not in themselves what God seeks in man and what naturally lends them moral value [...]. It is, after all, necessary to know and think that it has to do with inner righteousness and harmony of disposition, all-conquering universal love of what is right and good² (*ibid.*, pp. 258-259).

²“Es kömmt hier nicht auf Werke, auf Handlungen an, die äußerlich oder einzeln, dem Gesetze gemäß sind. Diese, so nothwendig sie auch aus dem guten Grunde des Herzens erfolgen müssen, sind freylich an sich dasjenige nicht, was der Herr an dem Menschen sucht, und was diesen, auch natürlicher Weise einen moralischen Werth giebt [...]. Man sollte es doch einmal wissen und daran denken, daß hier die innerliche Richtigkeit und Harmonie der Gesinnungen, die überwiegende allgemeine Liebe zu dem, was recht und gut ist, verstanden werde.”

текают из внутренней праведности сердца, искренности, терпения и гармонии настроений. Только такой внутренней праведности, проистекающей из основания сердца, Бог ожидает от человека и только возрастание в ней можно считать исполнением воли Божией, что одно и имеет подлинную моральную ценность:

Это не зависело бы от дел, от поступков, которые внешне или по отдельности сообразны закону. Они, сколь бы необходимо они не должны были бы проистекать из доброго основания сердца, сами по себе, правда, не являются тем, что Господь ищет в человеке и что придает им также естественным образом моральную ценность... Должно все же знать и думать о том, что здесь имеется в виду внутренняя праведность и гармония умонастроений, все побеждающая всеобщая любовь к тому, что является правильным и добрым (Ibid., S. 258 – 259).

В связи с этим Шпальдинг многократно повторяет, что добродетель оценивается не по внешним делам, но по внутреннему умонастроению (*Gesinnung*), которое, если оно действительно праведно, неизбежно будет воплощаться во внешних благих деяниях. И именно так понимая добродетель, мы можем говорить о том, что обращение невозможно без добродетели так же, как невозможно воскресение без жизни (Ibid., S. 271). Но речь при этом вовсе не идет о том, что человек после обращения не будет совершать грехов и не будет нуждаться в нравственной борьбе и совершенствовании, поскольку уже будет непорочен. Напротив, обращение предполагает такую борьбу, будучи фундаментом для нее. Именно оно дает возможность дальнейшего духовного развития и возрастания. После обращения воля человека направляется в другую сторону, отвергается от греха и желания совершать зло и обращается к добру и желанию совершать добро. Так происходит, поскольку она начинает полагать счастье в других предметах (Ibid., S. 261). Но это лишь начало пути, с которого человек в любой момент может свернуть снова на ложную тропу. Задачей человека является поддержание в себе этой правильной направленности воли,

Spalding keeps repeating that virtue is assessed not by external acts, but by the inner disposition (*Gesinnung*), which, if it is truly righteous, will inevitably be embodied in external good deeds. It is proceeding from this notion of virtue that we can say that conversion is impossible without virtue, just as resurrection is impossible without life (*ibid.*, p. 271). This is not to say that after conversion human being would not sin and would not need moral struggle and improvement because he/she would be without sin. On the contrary, conversion presupposes and is the foundation of such extensive effort. It makes further spiritual development and growth possible. Conversion redirects human will away from sin and the wish to do evil towards good and the wish to do good. The will comes to see happiness in other things (*ibid.*, p. 261). But this is only the beginning of the road from which the human being may stray at any moment. The challenge for the human being is to preserve the right direction of the will, which requires considerable effort. Thus, conversion is only the beginning of the right disposition, an advance payment for virtue and fear of God.

A human being's subsequent development must follow the chosen path of spiritual growth. The right directedness of the will is called "the righteous heart", or an inner disposition, without which virtue cannot be attained (*ibid.*, p. 262).

All this shows that Spalding associates the state of grace not so much with an individual's external deeds as with the inner sphere of human dispositions. Thus, if it is not finally clear whether a person is disposed toward good or is still disposed toward evil, we cannot say anything certain about the person's state of grace:

что требует от него немалых усилий. Таким образом, обращение — это лишь начало праведного настроения, своего рода задаток добродетели и богобоязненности. Все последующее развитие человека — это продолжение следования по этому намеченному пути и последующее духовное возрастание. Это правильное направление воли как раз и называется «праведным сердцем», или иначе — внутренним умонастроением, без которого невозможно осуществление добродетели (Ibid., S. 262).

Состояние благодати человека связывается Шпальдингом, следовательно, не столько со сферой его внешних поступков, сколько с внутренней сферой настроений человека. Так, если не до конца понятно, является ли человек уже добронастроенным или еще злонастроенным, то и о его состоянии благодати мы также ничего утверждать не сможем:

Как жизнь начинается непосредственно там, где прекращается смерть, так и спасительное изменение настроения столь же непосредственно заключает в себе лучшее направление души или добродетель. Если может быть состояние, в котором еще не достоверно, является ли человек в основании своего сердца и в его господствующей склонности еще злонастроенным или уже добронастроенным, то и с его состоянием благодати тогда [дела обстоят] также недостоверно (Ibid., S. 273–274).

Таким образом, добродетель у Шпальдинга понимается не как соответствие внешних действий моральной норме, выражающейся в заповедях, но как согласие внутреннего настроения воле Божией. Сфера внешних действий при этом не исключается из рассмотрения, но отодвигается на второй план, рассматривается лишь как следствие этого свершившегося в душе человека переворота, изменения направленности его воли от направленности на зло к направленности на добро. К внешне праведным поступкам мы все равно приходим, но не они сами по себе становятся критерием оценки добродетельности, а лишь внутренняя умонастроенность. Сами внешние поступки являются необходимыми, но не достаточными условиями,

Just as life begins where death ends, so the redemptive change of disposition contains the best impulses of the soul, or virtue. If there can be a state in which it is yet unclear whether a person deep in his/her heart and in his/her main inclination is still bent toward evil or is already bent toward good, it is also unclear [how matters stand] with his/her state of grace³ (Ibid., pp. 273-274).

Thus, Spalding understands virtue not as conformity of external actions with the moral norm as expressed in the commandments, but conformity of the inner mood with God's will. The sphere of external acts is not excluded, but takes the back seat, as it were, and is seen only as a consequence of the revolution that has occurred in a person's soul, a change of the direction of the will from evil to good. We still arrive at right actions, but it is not these actions but only the internal disposition that is the measure of virtue. External actions are necessary, but not sufficient conditions for claiming that somebody is virtuous and, accordingly, for concluding that the person is in a state of grace. If a person is virtuous, he/she is disposed toward good, which will inevitably lead him/her to perform externally right acts. However, acts without a corresponding disposition are dead and do not warrant that the person has been converted.

Conclusions

The above exposition of Spalding's views on conversion as a radical change of a

³ "So wie unmittelbar das Leben da anfängt, wo der Tod aufhört, so fasset auch eben so unmittelbar die heilsame Veränderung des Sinnes eine bessere Richtung der Seele, oder die Tugend, in sich. Wenn es einen Zustand geben kann, worinn es noch ungewiß ist, ob ein Mensch im Grunde seines Herzens und in seiner herrschenden Neigung noch böse oder schon gut gesinnet sey, so ist es dann mit seinem Gnadenstande gerade eben so ungewiß."

чтобы утверждать, что кто-то добродетелен, и, соответственно, чтобы делать вывод о том, что он находится в состоянии благодати. Если человек добродетелен, то он добронастроен, что неизбежно будет приводить его к совершению внешне праведных поступков. Но сами по себе поступки без соответствующего внутреннего умонастроения мертвы и не дают нам права говорить о совершившемся в человеке обращении.

Итоги

Рассмотренное выше представление Шпальдинга об обращении как о радикальном изменении умонастроения человека, выражающееся в том, что воля изменяет свою направленность на прямо противоположную — с направленности на зло на направленность на добро, показывает, насколько подход Шпальдинга в данном случае близок кантовскому. Рассмотрение «Мыслей о ценности чувств в христианстве» в качестве одного из источников влияния на формирование кантовского учения о революции умонастроения помогает объяснить сразу две ключевые особенности последнего — нацеленность на моральное истолкование всех основных догматических положений христианского вероисповедания и появление самого понятия *Gesinnung* (умонастроение). Принимая во внимание то, что это сочинение Шпальдинга было хорошо известно Канту и все его издания вышли задолго до «Религии в границах одного только разума», можно предполагать, что «Мысли...» Шпальдинга и та трансформация значения понятия *Gesinnung*, которую мы там находим, вполне могли стать источником вдохновения для кантовского учения о революции умонастроения.

Список литературы

Кант И. Религия в границах одного только разума // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова, В. А. Чалого. Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2024. Т. 3 / под ред. А. Н. Круглова ; пер. с нем. Л. Э. Крыштоп под ред. А. Н. Круглова ; предисл. и коммент. А. Н. Круглова, Л. Э. Крыштоп. С. 81–310.

person's disposition as a result of which the will reverses its direction from being oriented towards evil to being oriented towards good shows the closeness of Spalding's position to that of Kant. Regarding the *Thoughts on the Value of Feelings in Christianity* as a source of influence on the formation of Kant's doctrine of the revolution in disposition helps to explain two features of the latter: its commitment to moral interpretation of all the main Christian dogmas and the emergence of the very concept of disposition (*Gesinnung*). Considering that this work of Spalding was well known to Kant and that all its editions saw the light of day long before *Religion within the Bounds of Bare Reason*, it is not unlikely that Spalding's *Thoughts on the Value of Feelings in Religion* and the transformation of the concept of *Gesinnung* that we find there could have inspired the Kantian doctrine of the revolution in disposition.

References

Aichinger, K. F., 1771. *Das Christenthum über die Vernunft, oder Betrachtungen über das berühmte Buch vom Werthe der Gefühle in dem Christenthum*. Regensburg: J. L. Montag.

Anonymus, 1772. *Gespräche über den Werth der Gefühle im Christenthum. Erstes Gespräch*. Bützow & Wismar: A. F. Rösen.

Beutel, A., 2003. Joachim Spalding. Populartheologie und Kirchenreform im Zeitalter der Aufklärung. In: P. Walter and M.H. Jung, eds. 2003. *Theologen des 17. und 18. Jahrhunderts: konfessionelles Zeitalter, Pietismus, Aufklärung*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, pp. 226-243.

Beutel, A., 2005a. Einleitung. In: J. J. Spalding, 2005a. *Gedanken über den Werth der Gefühle in dem Christenthum*. Tübingen: Mohr Siebeck, pp. XXV-XXXVIII.

Beutel, A., 2005b. Vorwort. In: J. J. Spalding, 2005b. *Gedanken über den Werth der Gefühle in dem Christenthum*. Tübingen: Mohr Siebeck, pp. V-VI.

Крыштоп Л. Э. Мораль и религия в философии немецкого Просвещения: от Хр. Томазия до И. Канта. М. : Канон+, 2020.

Aichinger K. F. Das Christenthum über die Vernunft, oder Betrachtungen über das berühmte Buch vom Werthe der Gefühle in dem Christenthum. Regensburg : J. L. Montag, 1771.

Anonymus. Gespräche über den Werth der Gefühle im Christenthum. Erstes Gespräch. Bützow; Wismar : Berger & Boednerschen Buchhandlung, 1772.

Beutel A. Johann Joachim Spalding. Populartheologie und Kirchenreform im Zeitalter der Aufklärung // Theologen des 17. und 18. Jahrhunderts: konfessionelles Zeitalter, Pietismus, Aufklärung / hrsg. von P. Walter, M.H. Jung. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2003. S. 226–243.

Beutel A. Einleitung // Spalding J.J. Gedanken über den Werth der Gefühle in dem Christenthum / hrsg. von A. Beutel, T. Jersak. Tübingen : Mohr Siebeck, 2005a. S. XXV–XXXVIII.

Beutel A. Vorwort // Spalding J.J. Gedanken über den Werth der Gefühle in dem Christenthum / hrsg. von A. Beutel, T. Jersak. Tübingen : Mohr Siebeck, 2005b. S. V–VI.

Beutel A. Aufklärung des Geistes. Beobachtungen zu Spaldings Pfingstpredigt „Der Glaube an Jesum, als das Mittel zur Seeligkeit“ // Christenthum im Übergang. Neue Studien zu Kirche und Religion in der Aufklärungszeit / hrsg. von A. Beutel, V. Leppin, U. Sträter. Leipzig : Evangelische Verlagsanstalt, 2006a. S. 119–128.

Beutel A. Aufklärung in Deutschland. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2006b.

Beutel A. Kirchengeschichte im Zeitalter der Aufklärung. Ein Kompendium. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2009.

Beutel A. Johann Joachim Spalding. Meistertheologie im Zeitalter der Aufklärung. Tübingen : Mohr Siebeck, 2014.

Bohatec J. Die Religionsphilosophie Kants in der „Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft“. Mit besonderer Berücksichtigung ihrer theologisch-dogmatischen Quellen. Hamburg : Hoffmann und Campe, 1938.

Hinske N. Das stillschweigende Gespräch. Prinzipien der Anthropologie und Geschichtsphilosophie bei Mendelssohn und Kant // Moses Mendelssohn und die Kreise seiner Wirksamkeit / hrsg. von M. Albrecht, E. J. Engel, N. Hinske. Tübingen : Max Niemeyer, 1994. S. 135–156.

Kobe Z. Reason Reborn: Pietistic Motifs in Kant's Moral Philosophy // Problemi international. 2018. Vol. 2, № 2. P. 57–88.

Lynar R. F. Freundschaftliche Unterredungen über die Wirkungen der Gnade. Halle : Waisenhaus, 1769.

Beutel, A., 2006a. Aufklärung des Geistes. Beobachtungen zu Spaldings Pfingstpredigt „Der Glaube an Jesum, als das Mittel zur Seeligkeit“. In: A. Beutel, V. Leppin and U. Sträter, eds. 2006a. *Christenthum im Übergang. Neue Studien zu Kirche und Religion in der Aufklärungszeit*. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, pp. 119-128.

Beutel, A., 2006b. *Aufklärung in Deutschland*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Beutel, A., 2009. *Kirchengeschichte im Zeitalter der Aufklärung. Ein Kompendium*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Beutel, A., 2014. *Johann Joachim Spalding. Meistertheologie im Zeitalter der Aufklärung*. Tübingen: Mohr Siebeck.

Bohatec, J., 1938. *Die Religionsphilosophie Kants in der „Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft“*. Mit besonderer Berücksichtigung ihrer theologisch-dogmatischen Quellen. Hamburg: Hoffmann und Campe.

Hinske, N., 1994. Das stillschweigende Gespräch. Prinzipien der Anthropologie und Geschichtsphilosophie bei Mendelssohn und Kant. In: M. Albrecht, E. J. Engel and N. Hinske, eds. 1994. *Moses Mendelssohn und die Kreise seiner Wirksamkeit*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, S.135-156.

Kobe, Z., 2018. Reason Reborn: Pietistic Motifs in Kant's Moral Philosophy. *Problemi International*, 2(2), p. 57-88.

KryshTOP, L. E., 2020. *Moral' i religiya v filosofii nemetskogo Prosveshcheniya: ot Khr. Tomaziya do I. Kanta* [Morality and Religion in the Philosophy of the German Enlightenment: From Ch. Thomasius to Immanuel Kant]. Moscow: Kanon Plus. (In Rus.)

Lynar, R. F., 1769. *Freundschaftliche Unterredungen über die Wirkungen der Gnade*. Halle: Waisenhaus.

Macor, L. A., 2012. Die Abhängigkeit des Menschen von Gott. Zur Endlichkeit als Geschöpflichkeit bei Johann Joachim Spalding. In: J. Sirovatka, ed. 2012. *Endlichkeit und Transzendenz. Perspektiven einer Grundbeziehung*. Hamburg: Felix Meiner, pp. 124-131.

Macor, L. A., 2013a. *Die Bestimmung des Menschen (1748–1800). Eine Begriffsgeschichte*. Stuttgart-Bad Cannstatt: frommann-holzboog.

Macor, L. A., 2013b. Das Erbe der Aufklärungstheologie bei Kant: Vorüberlegungen zum Einfluss Johann Joachim Spaldings. In: N. Fischer, J. Sirovatka, D. Vopřada, ed. 2013b. *Kant und die biblische Offenbarungsreligion*. Prag: Verlag Karolinum, pp. 107-121.

Macor L. A. Die Abhängigkeit des Menschen von Gott. Zur Endlichkeit als Geschöpflichkeit bei Johann Joachim Spalding // Endlichkeit und Transzendenz. Perspektiven einer Grundbeziehung / hrsg. von J. Sirovatka. Hamburg : Meiner, 2012. S. 124–131.

Macor L. A. Die Bestimmung des Menschen (1748–1800). Eine Begriffsgeschichte. Stuttgart-Bad Cannstatt : frommann-holzboog, 2013a.

Macor L. A. Das Erbe der Aufklärungstheologie bei Kant: Vorüberlegungen zum Einfluss Johann Joachim Spaldings // Kant und die biblische Offenbarungsreligion / hrsg. von N. Fischer, J. Sirovatka, D. Vopřada. Prag : Karolinum, 2013b. S. 107–121.

Oemler Ch. W. Unsere Gedanken über die Nutzbarkeit des Predigtamtes auf dem Lande und deren Beförderung bey Gelegenheit der neuen Religionsverbesserung. Leipzig ; Schleiz : J. G. Mauken, 1775.

Raatz G. Aufklärung als Selbstdeutung. Eine genetisch-systematische Rekonstruktion von Johann Joachim Spaldings „Bestimmung des Menschen“ (1748). Tübingen : Mohr Siebeck Verlag, 2014.

Resewitz F. G. Gedanken über den Werth der Gefühle in dem Christenthum. Neue, verbesserte und vermehrte Auflage. Leipzig bey M. G. Weidemanns Erben und Reich 1764 // Allgemeine deutsche Bibliothek / hrsg. von F. Nicolai. Berlin ; Stettin : F. Nicolai, 1765. Bd. 1. St. 1. S. 3–14.

Resewitz F. G. Gedanken über den Werth der Gefühle in dem Christenthum. Dritte Auflage mit neuen Vermehrungen. Leipzig bey M. G. Weidemanns Erben und Reich, 1769 // Allgemeine deutsche Bibliothek / hrsg. von F. Nicolai. Berlin ; Stettin : F. Nicolai, 1770. Bd. 12. St. 1. S. 163–171.

Schleef J. Gedanken über den Werth der Gefühle in dem Christenthum. Bützow ; Wismar : Berger & Boednerschen Buchhandlung, 1770.

Schleef J. Beurtheilung der Gedanken über den Werth der Gefühle in dem Christenthum. Bützow; Wismar: Berger & Boednerschen Buchhandlung, 1771.

Schleef J. Fernere Beurtheilung der Gedanken über den Werth der Gefühle in dem Christenthum. Bützow : Berger & Boednerschen Buchhandlung, 1772.

Schmidt M. Speners Wiedergeburtstheorie // Theologische Literaturzeitung. 1951a. Bd. 76. S. 17–30.

Schmidt M. Speners *Pia Desideria*. Versuch einer theologischen Interpretation // *Theologia Viatorum*. 1951b. Bd. 3. S. 70–112.

Schmidt M. Speners Wiedergeburtstheorie // Schmidt M. Wiedergeburt und neuer Mensch. Gesammelte Studien zur Geschichte des Pietismus. Witten : Luther-Verlag, 1969a. S. 169–194.

Schmidt M. Speners *Pia Desideria*. Versuch einer theologischen Interpretation // Schmidt M. Wiedergeburt und neuer Mensch. Gesammelte Studien zur Geschichte des Pietismus. Witten : Luther-Verlag, 1969b. S. 129–168.

Oemler, C. W., 1775. *Unsere Gedanken über die Nutzbarkeit des Predigtamtes auf dem Lande und deren Beförderung bey Gelegenheit der neuen Religionsverbesserung*. Leipzig & Schleiz: J. G. Mauken.

Raatz, G., 2014. *Aufklärung als Selbstdeutung. Eine genetisch-systematische Rekonstruktion von Johann Joachim Spaldings „Bestimmung des Menschen“ (1748)*. Tübingen: Mohr Siebeck.

Resewitz, F. G., 1765. [Book Review:] Gedanken über den Werth der Gefühle in dem Christenthum. Neue, verbesserte und vermehrte Auflage. Leipzig bey M. G. Weidemanns Erben und Reich 1764. *Allgemeine deutsche Bibliothek*, 1(1), pp. 3-14.

Resewitz, F. G., 1770. [Book Review:] Gedanken über den Werth der Gefühle in dem Christenthum. Dritte Auflage mit neuen Vermehrungen. Leipzig bey M. G. Weidemanns Erben und Reich, 1769. *Allgemeine deutsche Bibliothek*, 12(1), pp. 163-171.

Schleef, J., 1770. *Gedanken über den Werth der Gefühle in dem Christenthum*. Bützow & Wismar: Berger.

Schleef, J., 1771. *Beurtheilung der Gedanken über den Werth der Gefühle in dem Christenthum*. Bützow & Wismar: Berger.

Schleef, J., 1772. *Fernere Beurtheilung der Gedanken über den Werth der Gefühle in dem Christenthum*. Bützow: Berger.

Schmidt, M., 1951a. Speners Wiedergeburtstheorie. *Theologische Literaturzeitung*, 76, pp. 17-30.

Schmidt, M., 1951b. Speners *Pia Desideria*. Versuch einer theologischen Interpretation. *Theologia Viatorum*, 3, pp. 70-112.

Schmidt, M., 1969a. Speners Wiedergeburtstheorie. In: M. Schmidt, 1969. *Wiedergeburt und neuer Mensch. Gesammelte Studien zur Geschichte des Pietismus*. Witten: Luther-Verlag, pp. 169-194.

Schmidt, M., 1969b. Speners *Pia Desideria*. Versuch einer theologischen Interpretation. In: M. Schmidt, 1969. *Wiedergeburt und neuer Mensch. Gesammelte Studien zur Geschichte des Pietismus*. Witten: Luther-Verlag, pp. 129-168.

Schmidt, M., 1970. Philipp Jakob Spener und die Bibel. In: K. Aland, ed. 1970. *Pietismus und Bibel*. Witten: Luther-Verlag, pp. 9-58.

Schollmeier, J., 1967. *Johann Joachim Spalding. Ein Beitrag zur Theologie der Aufklärung*. Gütersloh: G. Mohn.

Spalding, J. J., 1773. *Gedanken über den Werth der Gefühle in dem Christenthum*. Leipzig: Weidmann.

Schmidt M. Philipp Jakob Spener und die Bibel // Pietismus und Bibel / hrsg. von K. Aland. Witten : Luther Verlag, 1970. S. 9–58.

Schollmeier J. Johann Joachim Spalding. Ein Beitrag zur Theologie der Aufklärung. Gütersloh : G. Mohn, 1967.

Spalding J. J. Gedanken über den Werth der Gefühle in dem Christenthum. 4. Aufl. Leipzig : M. G. Weidmanns Erben und Reich, 1773.

Spener Ph. J. Der innerliche und geistliche Friede oder der Friede Gottes so wol desselben mit uns als unserer mit und in Gott samt dessen Beförderungsmitteln und hindernüssen. Franckfurt : J. D. Zunner, 1686.

Spener Ph. J. Der hochwichtige Artikel von der Wiedergeburt, dero Ursachen, Mittel, Art, Pflichten, Würden, Kennzeichen und übrigen dahin gehörigen Materien. Frankfurt : J. D. Zunner, 1694.

Spener Ph. J. Pia Desideria oder herzliches Verlangen nach gottgefälliger Besserung der wahren evangelischen Kirchen. Franckfurt am Main : J. D. Zunner, 1706.

Tippmann C. Die Bestimmung des Menschen bei Johann Joachim Spalding. Leipzig : Evangelische Verlagsanstalt, 2011.

Trescho S. F. Beurtheilung der Schrift: vom Werth der Gefühle im Christenthum. Frankfurt am Main : Gebhard, 1764.

Ulrich J. H. F. Ueber den Religionszustand in den preußischen Staaten seit der Regierung Friedrichs des Großen. In einer Reihe von Briefen. Leipzig : Weygandsche Buchhandlung, 1778. Bd. 1.

Wallmann J. Wiedergeburt und Erneuerung bei Philipp Jakob Spener // Wallmann J. Pietismus und Orthodoxie. Gesammelte Aufsätze. Tübingen : Mohr Siebeck, 2010. Bd. 3. S. 40–67.

Об авторе

Людмила Эдуардовна **Крыштон**, доктор философских наук, профессор, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН им. Патриса Лумумбы), Москва, Россия.

E-mail: kryshtop-le@rudn.ru

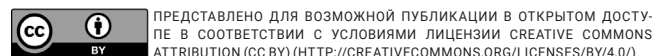
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1012-5953>

Для цитирования:

Крыштон Л. Э. И. И. Шпальдинг и революция устроения И. Канта // Кантовский сборник. 2025. Т. 44, № 4. С. 7–30.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-4-1>

© Крыштон Л. Э., 2025.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

Spener, P. J., 1686. *Der innerliche und geistliche Friede oder der Friede Gottes so wol desselben mit uns als unserer mit und in Gott samt dessen Beförderungsmitteln und hindernüssen*. Franckfurt: J. D. Zunner.

Spener, P. J., 1694. *Der hochwichtige Artikel von der Wiedergeburt, dero Ursachen, Mittel, Art, Pflichten, Würden, Kennzeichen und übrigen dahin gehörigen Materien*. Frankfurt: J. D. Zunner.

Spener, P. J., 1706. *Pia Desideria oder herzliches Verlangen nach Gottgefälliger Besserung der wahren evangelischen Kirchen*. Franckfurt am Main: J. D. Zunner.

Tippmann, C., 2011. *Die Bestimmung des Menschen bei Johann Joachim Spalding*. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt.

Trescho, S. F., 1764. *Beurtheilung der Schrift: vom Werth der Gefühle im Christenthum*. Frankfurt am Main: Gebhard.

Ulrich, J. H. F., 1778. *Ueber den Religionszustand in den preußischen Staaten seit der Regierung Friedrichs des Großen. In einer Reihe von Briefen*. Volume 1. Leipzig: Weygandsche Buchhandlung.

Wallmann, J., 2010. *Wiedergeburt und Erneuerung bei Philipp Jakob Spener*. In: J. Wallmann, 2010. *Pietismus und Orthodoxie. Gesammelte Aufsätze*. Volume 3. Tübingen: Mohr Siebeck, pp. 40-67.

The author

Prof. Dr Ludmila E. **Kryshtop**, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

E-mail: kryshtop-le@rudn.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1012-5953>

To cite this article:

Kryshtop, L. E., 2025. Johann Joachim Spalding and Immanuel Kant's Revolution in Disposition. *Kantian Journal*, 44(4), pp. 7-30.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-4-1>

© Kryshtop L. E., 2025.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))